

© 2018

Вера Иванова

(Федеральный социологический центр РАН)

г. Москва

(e-mail: vn_ivanova@mail.ru)

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЯМЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена вопросам социальных отношений в инновационной деятельности. С целью разработки стратегии инклюзивного развития и минимизации отрицательного воздействия прямых социальных связей при запуске и реализации инновационных проектов анализируются механизмы формирования подобных связей. При этом учитывается историко-социальное прошлое страны, тенденции эволюции нравственности, роль лидерства и элитарности в сообществах, а также мировые социально-экономические концептуальные тренды. Предложена циклическая модель по формированию инновационного знания в научном коллективе.

Ключевые слова: социальные отношения, инновационная деятельность, институциональная логика, цикличность, инклюзивное развитие, прямые и обратные связи, устойчивость, социальные ограничения, эволюция, нравственность, справедливость, альтруизм, подвижничество, научный коллектив, руководитель.

DOI: 10.31857/S020736760001437-9

В настоящее время большинство зарубежных и отечественных ученых считают разработку динамической теории инноваций главным ключом к успеху науки об управлении (регулировании) общественным производством в XXI веке, т.к. фундаментальный успех выпадает на долю тех стран, которые смогли сформировать, поддержать и развить у себя механизм социально-экономических и технологических инноваций [1]. Однако эти же ученые справедливо связывают слабое участие России в международном обмене новыми технологиями с неопределенностью стратегии государства и с его до сих пор проявляемой неспособностью обеспечить инновационный процесс, создав необходимые для него организационно-экономические и правовые условия. Более того, в официальных документах, посвященных вопросам инновационного развития, отмечают они, правительство и федеральные ведомства исходят из ложных концептуальных положений, рассматривая инновационную политику как дополнение к уже существующей научно-технической и промышленной политике, а не как интегрирующую составляющую экономической политики в целом [2]. Другими словами,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Теоретико-методологические основы формирования стратегии инклюзивного развития экономики России» № 17-02-00040 «а».

по мнению многих отечественных ученых, инновационное развитие не может рассматриваться как подвид или как вариант развития научно-технического. Инновационное развитие — это качественно новый тип развития с присущими только ему особенностями.

Особенности и критерии инновационного развития. Пристальное внимание, повсеместно уделяемое инновационным формам развития как малого, так и крупного бизнеса во всем мире и в России, в частности, обусловлено возможностью в сегодняшних условиях постиндустриального типа воспроизводства запустить через инновационный подход наукоемкие проекты, которым свойственно саморазвитие по типу «цепной реакции». Последнее обусловлено наличием в таком развитии сильных положительных обратных связей, которые обеспечиваются производством знаний, являющимся основной особенностью постиндустриального типа воспроизводства. Инновации были востребованы и реализовывались и раньше. Но лишь в сегодняшних условиях, когда специфика знания как «нерастрачиваемого» ресурса позволила интенсифицировать развитие в смежных по отношению к первичному секторах за счет положительных обратных связей, реализующихся у потребителя этих знаний в качестве товара, инновации в наукоемкие сектора становятся единственным способом компенсировать системное падение предельной производительности труда и капитала.

Создание же научно-методологической базы по реализации интенсивного экономического роста России на основе инноваций при использовании наряду с традиционными методами управления, такими как экономические и политологические, также социальных управленческих методов и инструментов, позволит в первую очередь:

- избежать попадания России в так называемую «ловушку среднего дохода»;
- устранить негативное воздействие экономических санкций западных стран;
- успешно реализовать «инклюзивность» такого развития в соответствии с подписанными Россией международными соглашениями [3].

Всего этого можно достичь путем выявления форм прямых и обратных положительных и отрицательных социальных связей, их структуризации, построения математической модели устойчивости инновационной деятельности с учетом совместного действия связей социальной и экономической направленности, а также поиска экономических, политологических и социально-организационных методов минимизации действия отрицательных прямых и обратных социальных связей в условиях инновационного развития.

При этом важно *выявление механизмов формирования собственно прямых социальных связей. Тем самым появится возможность отыскать и обосновать социально-политологические приемы по регулированию прямых социальных связей с целью минимизации отрицательного их воздействия на реализацию инновационных проектов, в частности, в условиях России.*

Источником прямых социальных связей является прежде всего тот социальный опыт, который индивид получил лично в предыдущие периоды своей социальной жизни. Для россиян — это, конечно же, опыт перестройки. С точки зрения творческого потенциала, психологически опосредованной активности не столь важна окраска тех эмоций, что индивид пережил в результате перестройки, важна их глубина и устойчивость в воспоминаниях. Эта самая эмоциональная окраска предопределяет сущность социальных отношений в коллективе. И даже единственный такой человек, так сказать «ветеран перестройки», может полностью задать тон в коллективе на долгое время.

В отличие от традиционных подходов к анализу интенсификации экономического роста за счет методов только экономического воздействия на инновационные процессы, методы социального воздействия, с одной стороны, дают возможность выявить дополнительные собственно социальные резервы, а с другой стороны, их использование наряду с экономическими методами позволит реализовать эффект диверсификации рисков, а также синергетический эффект. А это создает возможность достижения не только количественных результатов интенсификации экономического роста, но и качественные. Разная же направленность прямых социальных связей обусловлена отражением в социальном опыте нравственных личностных механизмов поведения индивидуумов.

Популистский миф о несправедливости. Одна из особенностей нынешнего восприятия обществом социального знания, особенно в РФ — восприятие социальных отношений через феномен социального неравенства. Этот феномен искусственно «раздувается» благодаря идеологическим манипуляциям с понятием социальная *несправедливость*. Дело в том, что в современном мире понятие несправедливость слишком гипертрофировано по широте своей распространенности и почти полностью выхолощено по своей сути при применении в конкретных случаях. Причина этому — идеологизация всего мирового сообщества на фоне перехода от традиционных войн в интересах экономических экспансий к войнам гибридным (с теми же целями), но с сильной информационной составляющей. Более глубокие корни такого всплеска тяги к социальной справедливости — это процессы глобализации и, как важный результат этой глобализации — самое широкое распространение в мире либеральной концепции как в экономике, так и в политике, образовании и идеологии. Именно необходимость ликвидации любых экономических и других региональных барьеров в интересах транснациональных корпораций с целью обеспечения доступа к сырьевым источникам и рынкам сбыта продукции породило идеологию либеральных свобод. В свою очередь, эта идеология выразилась в рамках межличностных и межгрупповых отношений в эгоистическом поведении, чаще всего как раз под лозунгом требований социальной справедливости, которые, в свою очередь, очень успешно используются для политического пиара [6]. В России, в частности, такой пиар в первую очередь направлен на поколение, формирующееся после перестройки. Таким образом, актив-

ные призывы к социальной и имущественной справедливости — это неизбежная черта современного этапа эволюции нашей цивилизации и, конечно, — причина многих социальных и экономических издержек. В условиях инновационной, творческой по своей сути, деятельности такие тенденции реализуются в виде отрицательных прямых связей.

Их частичная компенсация возможна за счет двух факторов, также являющихся результатом эволюции, но уже не общества в целом, а человека как вида и человека как представителя группы. Первый фактор — это альтруистические тенденции в поведении индивидуума в составе группы [7]. Второй фактор — это неизжитые до сих пор ранговые иерархические различия у индивидов в составе группы [8]. Если первый фактор прямо работает против эгоистических наклонностей индивидов в группе, то второй, наоборот, такие эгоистические наклонности как бы узаконивает в отношении избранных особей с высоким иерархическим рангом в данной группе. И в том и в другом случае острота социальной несправедливости гасится.

Нравственность и эволюция сообществ. Традиционно два понятия — нравственность и эволюция испокон веков трактовались через первичность этапов эволюции и вторичность форм нравственности. Подобный подход, оставляя за эволюцией присущее ей диалектическое начало, полностью устранял возможность рассмотрения категории нравственности как исследуемого объекта, составляющего одну из форм сознания (точнее знания), также с диалектических позиций. При этом неизбежная противоречивость категории нравственность ограничивалась только лишь условиями реализации последней, а не сущностно-функциональным ее началом.

Более того, отчасти по причине политизации отечественных философских концепций, в последнее время проявилась практика примата собственно процессов эволюции человеческого сообщества, что выразилось, в частности, в отрицании первичности труда в формировании современного человека, как это трактовалось еще К. Марксом. Оказалось, что подобный спорный подход не может быть разрешен на основе уже имеющихся на сегодня трактовок в рамках эволюционных концепций, метафизичных по своей сути. В этой связи, на наш взгляд, также без аргументированной критики остался бы и подход по принятию первичности нравственности по сравнению с эволюционными процессами.

Одна из целей данной статьи — подойти к эволюции человеческих сообществ, их саморазвитию с учетом такой противоречивой категории как нравственность. Именно она способна выполнять функцию обратной связи, основное свойство которой в этой ситуации — способность к смене знака производной. Более того, нам бы хотелось выявить основу противоречивости категории нравственности в ее сегодняшнем виде, исходя из предыдущих этапов человеческой эволюции, а также, что особенно значимо, выявить будущее базовое противоречие внутри сообщества людей на основе принципиально новой его формы, которая будет выполнять роль и обратной связи, но уже на следующем этапе эволюционного процесса.

Локальная самоорганизация диссипативных неравновесных открытых структур может существовать только в условиях окружающего ее хаоса, неупорядоченности и неравновесности, а ее динамика, т.е. усложнение самоорганизации, неизбежно предусматривает и динамику хаоса, динамику диссипации — перехода энергии в менее работоспособную форму [9]. Определяющим моментом при этом является наличие обратной связи между самоорганизующимся объектом и хаотизированной внешней средой, связи, нелинейной по своей сути. На этапе видовой эволюции живых систем роль нелинейной обратной связи выполнял естественный отбор, а аналогом появления неравновесностей для живой природы были мутации, обуславливаемые непредсказуемыми, т.е. хаотичными, внешними условиями. Если же свойство диссипативности в физике трактуется как переход энергии в нерабочее состояние (выравнивание температуры среды), то в живой природе диссипативность — просто наступление смерти той или иной особи или же целого вида. Внутри же вида человека умелого также реализуется процесс эволюции, но не на видовом уровне, а на уровне человеческих сообществ, в результате чего формируется иерархичность сообществ в виде государств, наций, собственно сообществ. А обратная связь здесь выступает в виде одной из форм сознания. Поскольку последнее выполняет различные функции, направленные в том числе и на простое выживание человека, его воспроизводство, то лишь часть из общей категории сознания выполняет специфическую функции обратной связи, касающуюся эволюционных процессов. Такой частью, на наш взгляд, является категория нравственности.

На сегодня считается, что человечество как вид сформировалось. Происходит эволюция его сообществ. Основным противоречием такой эволюции является противоречие между общественной формой производства и частнокапиталистической формой потребления. В качестве обратной связи, не позволяющей этому противоречию разрастись в социальную катастрофу выступает нравственность. Последняя есть сплав видоизмененных различных первичных инстинктов, свойственных человеку еще на заре его истории, когда внешней средой для него выступало не окружающее его общество, как это имеет место сегодня, а флора, фауна, неживая природа. Противоречивость первичных инстинктов, которые выступали в форме агрессии, страха, продолжения рода и т.п., и предопределила противоречивость нравственности. И как раз это качество обеспечило ей жизнеспособность и особую значимость. Подчеркнем еще одну ее особенность. Нравственность не только противоречива по своему проявлению и своей трактовке различных поступков человека. Она противоречива по своей внешней форме. Во-первых, она проявляется в сугубо воинствующей форме, хотя и проповедует практически обратное. Первые нравственные заповеди — не убий, не укради, не занимайся прелюбодеянием. Все это императивно, т.е. носит фактически приказной характер. А исходит такая практика из необходимости самоутверждения, самоопределения эволюционирующего общества в процессе его взаимодействия с внешними сообществами, которые для него являются хаотизированной средой, но без которых сама эволюция невозможна.

Противоречивость, а на бытовом уровне уже и гибкость нравственности дает возможность именно на ее основе выстраивать самые различные религиозные конфессии. Диспуты теологов – вот яркий пример того, как можно одну и ту же нравственную заповедь, действующую в мире людей, вывернуть наизнанку. Так, современный бразильский писатель П.Коэльо все нравственные начала формирует из первичного инстинкта страха [10]. Ф.Ницше – из агрессии в форме жажды власти [11].

Социальный облик российского подвижничества. Двигаясь в научном поиске от феномена социального знания к феномену нравственности как итогу эволюции такого знания, приходится сталкиваться с необходимостью анализа форм проявления нравственности в данный исторический момент и в данном сообществе. В этом плане логично обратиться к современной России. Проблема реализация идей перестройки оказалась намного сложнее, чем она виделась руководству страны вначале. Оказалось, что для ее решения властям нужны *подвижники*, а не «менеджеры, нанятые гражданским обществом» [12]. При этом надо помнить, что причины разрушений кроются отнюдь не в самом факте приватизации, а в той философской, культурной и социальной основе, на которой она производилась. Теперешняя печальная ситуация – это общий вектор процесса. Но есть в массе собственников, управляющих, чиновников немало честных тружеников, горячих патриотов и творцов. На них и держится травмированная страна, хотя остановить процесс деградации они не могут. Давление хищного эгоистического интереса и коррупции сильнее. Надо переболеть этот системный кризис и исподволь готовить кадры для будущей модернизации страны. Ниже остановимся на тех чертах (психологических, исторических, нравственных и др.), которыми должны обладать кандидаты на звание уважаемых людей и даже героев, т.е. тех самых подвижников, которые должны будут осуществить оздоровление общества.

Не будем сейчас говорить о прогрессивной ориентации подвижника, его позитивных качествах и т.д. Будем считать, что *первый критерий* подвижничества связан в первую очередь с *позитивным личным опытом общественно значимой деятельности*, в частности предпринимательской. Однако модель поведения российского населения задает жесткие границы возможного и невозможного в макроэкономическом, социальном и политическом конструировании. Эта модель консервативна, меняется очень медленно из поколения в поколение. Или не меняется вообще. Таким образом, *вторым критерием* для подвижника в российской среде должен быть критерий *определенного соответствия модели личного поведения обобщенной модели поведения российского населения*. В то же время это предполагает необходимость использования всех возможностей влияния подвижника на эту обобщающую модель в направлении ее модернизации.

Обратимся и к критерию, связанному с проблемой культуры. Дело в том, что дискуссия о том, как проводить модернизацию России, упирается в проблему ценностей и культуры, поскольку нет примеров успешной модернизации без людей с «долгим взглядом» [15]. При этом нали-

чие долгосрочных интересов не обязательно приводит к модернизации, но модернизационный взгляд всегда долгий. *Долгий взгляд — третий критерий* подвижничества. В России есть люди с долгим взглядом, но определить их социальную принадлежность довольно трудно. Может показаться, что все, что связано с культурой — это также критерий подвижничества. Однако здесь все не просто. Так, в конце XIX века русские предприниматели внесли огромный вклад в отечественную культуру. Это было для них даже не меценатством, а важнейшей жизненной потребностью. Бизнес и культура взаимно обогащали друг друга. Меценатство — это проявление подвижничества.

Остановимся на подвижничестве в сфере бизнеса. Всего описано пять ступеней роста бизнеса или его развития. Первый этап прошли все без исключения российские фирмы. Это время строительства компании, энтузиазма, подъема, семейных отношений внутри фирмы, креативности в бизнесе и полной безалаберности в управлении. Драма российского бизнеса заключается не в том, что он в целом не дорос, например, до четвертой ступени, а в том, что реально не может придвинуться дальше первой. Причин этого много. Отметим здесь в последнюю очередь замедленное развитие первых лиц, недостаточную деловую зрелость, вытекающую из присущего им неуместного консерватизма.

Четвертый критерий — предпринимательская зрелость, проявляется в готовности, как минимум, к переходу с первой на вторую ступень развития фирмы, когда речь идет о передаче управления фирмой, а значит и своих представлений о ее будущем, от него как собственника к наемным профессионалам.

В качестве *пятого критерия* следует принять *принадлежность* подвижника к *внесистемному бизнесу* [17], остающемуся вне так называемой «триады власти». Часто такой подвижник терпит неудачу, отказываясь оплачивать «входной билет» и участвовать в различного рода коррупционных практиках. Но именно такой бизнес может стать движущей силой при переходе от неэффективного равновесия (когда превалирует рентоориентированное поведение) к эффективному (когда есть стимулы к эффективному производству и инновациям).

В качестве *следующего, шестого критерия* можно рассматривать *альтруистическое поведение* [18], лежащее в основе высоких типов культурно-поведенческих надстроек, поощряющих организационную идентификацию и сотрудничество конкурентов. Такое поведение в человеческом обществе передается не только генетически, но и посредством подражания, через имитацию. Ныне распространенные в России моральные стандарты, основанные на абсолютизации эгоистических интересов, привели к частной семейно-клановой экономической власти, губительной для инноваций. При том что последние достижения бизнеса более связаны с точкой зрения, что истинный альтруизм — действия во благо других — действительно существует и является частью человеческой природы.

Еще одним немаловажным, *седьмым, критерием* является наличие у потенциального подвижника способности разрешать противоречия между

условиями формирования личности и условиями ее творческой реализации. Вопрос более чем значимый — может ли весь комплекс этих критериев быть присущ отдельно взятому человеку — современному россиянину.

Модель социальной обратной связи. Анализ разнообразия форм и условий функционирования прямых и обратных социальных связей следует начать с построения модели функционирования хотя бы одной из таких связей. Ниже попробуем построить такую модель и сформировать критерии ее успешного применения.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что вторая половина XX века прошла под знаком экономики, причем и в смысле науки, и в смысле искусства ведения национального хозяйства. Однако новые хозяйственные тенденции и явления ставят под сомнение многие постулаты, что, в свою очередь, предполагает пересмотр базовых понятий, т.к. экономические факторы из первичных, каковыми они были, превращаются во вторичные, становясь некой результирующей ментальных, этнических и демографических особенностей нации [19]. Поэтому сейчас в экономике доминирует вывод: «Вы имеете дело с людьми, а не с геометрией; люди далеко не так предсказуемы и намного чаще преподносят неожиданности» [20, с.436–437].

Чтобы выйти на новую траекторию развития, экономическая наука должна вернуться к человеку. Здесь важно какими методами это будет сделано. Сейчас наметилась следующая тенденция во взаимосвязи экономики и социологии, — экономисты отыскивают интересные научные факты и проблемы и производят их математическую обработку, после чего социологи препарируют их, выявляя внутреннюю механику процесса и мотивацию экономических поступков. Подобная рокировка экономики и социологии вызвана изменениями самого социума. Теперь национальные стереотипы мышления определяют развитие экономики. Ментальность стала первичным фактором, а экономические процессы — вторичным. «Интегрирование человека с его мыслительными образами — основная задача экономической науки XXI в.» [21].

В этом плане актуальность изучения проблем теории личности на сегодняшний день состоит в необходимости создания в рамках социологической науки интегрированной модели (а может быть моделей) человека как личности для ее использования в других областях знаний, в частности при построении моделей инновационной деятельности. Реальные люди отличаются от агентов в неоклассических моделях. Хотя они и стремятся поступать рационально, но обладают этой способностью лишь в ограниченной степени, их решения далеко не идеальны. Предсказывать экономические результаты поведения сообществ коварных, жадных, близоруких людей и людей, склонных к героизму и бескорыстию, и есть одна из задач институциональной экономики [22]. Классическая экономическая теория не располагала инструментарием для принятия решений в таких сферах, как стратегический маркетинг, структура предприятий, инвестиционная деятельность, связанная с инновациями. Так появился институционализм. Но проблема осталась — пока невозможно измерить

воздействие конкретных институтов и тем самым сделать теорию количественной. А количественная теория предполагает использование динамической модели, которая в свою очередь предполагает наличие в ней для целей устойчивости обратных связей.

Поскольку ментальность стала первичным фактором, и социология вследствие этого передвинулась на первую позицию среди социальных наук, теперь одно из ее (социологии) назначений — снабжать адекватными прикладными моделями человеческого поведения спектр наук, занимающих по отношению к ней вторичные позиции. Если строго подходить к понятию модели, то, к сожалению, в социологии мы чаще наблюдаем описание того либо иного явления, нежели собственно описание модели. Ведь для модели недостаточно наличия только причинно-следственных связей в составе социального процесса, необходимо обязательное наличие того или иного вида обратной связи между этими причиной и следствием. Именно обратная связь позволяет вписывать создаваемые модели в процессы управления. Поэтому целью дальнейших исследований является попытка выявления возможности построения интегрированной поведенческой модели личности с наличием в составе ее как минимум одной обратной связи для последующего ее использования в управленческих сценариях. Задачами такого исследования должны являться:

- выявление процесса деятельности как основного аспекта, характеризующего личность;
- рассмотрение процессов общения как условий формирования личности и ее деятельности;
- рассмотрение личностных игр как условий активного существования личности;
- обобщение указанных выше явлений и процессов.

В результате мы получим краткое воспроизведение сущностных закономерностей указанных выше трех социальных явлений с акцентом на выявление в их рамках общих моментов, которые могли бы быть основой выстраивания в дальнейшем искомых обратных связей. Конечно, наиболее желательным было бы создание принципиально новой модели, однако это достаточно сложно, а, кроме того, социология наработала на сегодняшний день столько оригинальных, но совершенно пока не связанных между собой описаний различных явлений, что для начала стоит попытаться создать указанную поведенческую модель, комбинируя подобные известные явления, при этом пытаясь построить из них определенную последовательность и рассматривая в цикле двух смежных явлений следствие предыдущего как причину последующего. Именно таким образом может быть выстроена необходимая обратная связь. Поэтому объектом исследования должны являться явления и закономерности, разработанные и изученные ранее в рамках теории личности. Такие явления и закономерности пригодны для выстраивания из их модифицированных редакций определенных последовательностей с качественно новыми свойствами — наличием у

таких замкнутых последовательностей обратных связей. С указанной целью в качестве исследуемых научных подходов, описывающих социальные явления, следует рассматривать цепочку из трех составляющих:

— *деятельно-ценностный подход, описывающий личность как социальное существо* [23];

— *явление взаимосвязи изменений личности и общения* [24];

— *явление ощущения у личности сенсорного голода* [25].

Предметом исследования должна являться отрицательная обратная связь в процессе формирования личности. И именно ее следует выявить в исследуемых поведенческих процессах личности, выстраивая указанную трехзвенную цепочку социальных явлений. Основной нашей гипотезой является предположение, что в действительности подобные обратные связи существуют реально, но авторы разработанных на сегодня концепций в теории личности их в силу исторических причин не рассматривали. Теоретико-методологической основой такого исследования являются деятельностный подход и сравнительно-исторический подход.

На наш взгляд, именно национальная элита должна возглавить модернизационную стратегию по переходу российского общества к желаемому образу жизни, подразумевающему:

— исчезновение столь распространенной сейчас социальной розни (это относится к контрастным парам: общество — государство; бедные — богатые; молодые — пожилые);

— создание и функционирование многообразных саморегулируемых механизмов для решения всех типов потенциальных конфликтов;

— неантагонистическое распределение богатства между членами общества [30].

Основная проблема сегодня в том, что российское общество представляет собой постепенно усложняющуюся совокупность микросообществ, возникших по множеству оснований. На этом фоне проведение любых реформ сталкивается с практически неизбежным сопротивлением со стороны групп специальных интересов, поскольку рациональные действия «сверху» могут их непосредственно затрагивать. Консолидация указанных микросообществ в единое гражданское общество, видимо, возможна только через формирование национальной элиты, совмещающей управленческие и собственнические функции и нацеленной на общественно значимые ценности в форме «самовыражения».

Устойчивое негативное отношение к крупной частной собственности в постперестроечной России было фактически предопределено тем, что основу ее происхождения составили приватизационные сделки. Так возникла проблема низкой легитимности возникших в результате приватизации структур собственности [31]. При этом проблема размытой нелегитимности не поддается лечению ни с помощью хирургического вмешательства (вроде тотальной деприватизации), ни с помощью терапевтических средств (вроде компенсационного налога на приватизированную собственность). В лучшем случае они могут дать лишь временное облегчение, в худшем — вызвать новое обострение. Отказываясь

признавать результаты приватизации, люди обращаются не столько к событиям прошлых лет, сколько к тому, что происходит сегодня.

Еще одна проблема, которая сегодня не может никак быть решена в России именно по причине отсутствия как такового гражданского общества и лидирующего в нем сословия — элиты. Это проблема местного самоуправления. Хотя федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления» вступил в силу 01 января 2009 года, на местах в депрессивных регионах заниматься этими вопросами никто не хочет, в развитых же субъектах федерации, наоборот, реформе мешают конфликты интересов различных групп влияния. Кроме того, очень сложно решить финансовые вопросы, т.к. доходная база муниципалитетов не обеспечена, что связано в особенности с отсутствием рыночной оценки стоимости земли. А где нет достаточной собственности — там нет гражданского общества и нет ни малейшей инициативы на местах. Там же где она есть, но нет элиты в ее полноценном качестве, подобная реформа оборачивается профанацией на фоне мощной «хватки» административного ресурса.

Имущественное неравенство и психическая дезадаптация. До недавнего времени принятый порог бедности в РФ был в 2,5-3 раза меньше того порогового уровня доходов, ниже которого возникают напряжения и дисфункции человеческого поведения [32]. Это означает, что почти 60% населения испытывают существенные социально-экономические ограничения, прежде всего по возможностям репродуктивного поведения. Основные причины избыточного неравенства и бедности — существующие механизмы формирования и перераспределения доходов населения и их деформация, связанная с настройкой этих механизмов в пользу богатых. При этом разница между богатыми и бедными по приросту валового регионального продукта в расчете на душу населения составляет 40 раз. А именно гражданское общество призвано выступить посредником между амбициями государства как проводника на сегодня политики богатых и бизнеса, который не может игнорировать потребности общества в целом. Отметим, что снижение избыточного неравенства на 1 пункт Джини повышает коэффициент рождаемости на 2 пункта и понижает коэффициент смертности на 3 пункта. И для этого совсем не требуется даже прироста валового продукта. Это может быть реализовано в структурированном, сословном гражданском обществе, где каждый член его четко осознает свое в нем место, а значит и те возможности, что ему такое общество предоставляет.

У многих россиян в условиях социальных изменений в постсоциалистическом обществе развились состояние психической дезадаптации, невротические и психосоматические расстройства, что стало следствием «коллективной травмы» [33]. Расстройства, связанные с социальными переменами, становятся основой для развития собственно неврозов и различных телесных заболеваний. При этом материальные затруднения и бедность оказывают меньшее влияние на снижение качества жизни и на развитие социально-стрессовых расстройств, чем душевное неблаго-

получие. Ведь затянувшийся характер негативных социальных процессов привел к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества. Отсюда — тревожная напряженность и развитие «кризиса идентичности личности». Именно эти причины являются основополагающими в проблеме мужской сверхсмертности в России 90-х годов [34]. Высокая мужская смертность, существующая в России до сегодняшнего дня, не может быть объяснена одним лишь ухудшением материального благосостояния [35], изменениями структуры питания российского общества в перестроечные годы и т.п. [36].

Прямые социальные связи и экстернальный эффект. Напомним, что инновационная деятельность как деятельность, направленная на реализацию экстернального эффекта в хозяйственной системе, предполагает наличие в этой системе прямых и обратных связей как экономического, так и социального видов. Их не надо путать с внутренними деловыми связями между индивидами в коллективе. Если обратные социальные связи, возникающие в результате разработки нового инновационного продукта, реализуются в самом коллективе разработчиков, то обратные экономические связи реализуются в виде экстернального эффекта вне такого коллектива. Специфика таких связей, которые в основном относятся к отрицательному виду, состоит в том, что они, с одной стороны являются тормозом для выстраивания творческой атмосферы в научном коллективе, а с другой — именно они, точнее их разнообразие, определяет спектр индивидуальных творческих начал в психике отдельного индивида.

В отличие от социальных обратных (положительных и отрицательных) связей, формирующихся и проявляющихся внутри творческого коллектива в процессе развития, в частности, инновационного проекта, прямые социальные связи разного знака воздействуют на творческий коллектив постоянно. Последние формируются в процессе эволюции всего социума и принимают свои конкретные формы в зависимости от той институциональной логики, которая присуща конкретному более узкому сообществу [39].

Как было сказано выше — инновационное развитие предусматривает обязательное наличие сильных положительных обратных связей, ответственных за экстернальный эффект, а также неизбежное появление отрицательных обратных связей, препятствующих реализации такого эффекта. Интенсивность того и другого вида обратных связей обязана, наряду с сугубо экономическими факторами, также и факторам, определяемым типом институциональной среды, действующей в обществе, и типом институциональной логики, действующей в конкретном коллективе в данный момент времени. Широкий возможный спектр таких типов логики вызывает такой же широкий спектр типов обратных связей, которые эта логика формирует в динамике развития.

При этом если знания естественнонаучной направленности определяют саму возможность инновационного развития, то динамику такого развития предопределяют, наряду с указанными естественнона-

учными знаниями, уже и знания социальные, поскольку и те, и другие ответственны за комплексную систему обратных связей в процессе такого развития. Но поскольку развитие в общем случае предполагает последовательность определенных специфических его этапов, составляющих своего рода цикл, то логично предположить, что для каждого конкретного этапа развития оптимальным будет какой-то конкретный тип институциональной логики. Исторический опыт подтверждает обоснованность такого подхода динамикой ряда выявленных фундаментальных противоречий. Этот же опыт показывает, что одним из путей разрешения подобных фундаментальных противоречий является *метод разнесения процесса собственно конкретного вида развития во времени и в пространстве*. Пространство здесь понимается как пространство типов институциональной логики, а время — в прямом его смысле.

Цикличность институциональной логики в инновационной деятельности.

Возможный путь устранения фундаментальных противоречий социального вида нам видится именно в реализации указанного выше метода разнесения процесса создания научно-технического знания в пространстве и во времени. Так, анализ почти 40-летнего опыта научной деятельности «Научно-исследовательского центра по изучению свойств поверхности и вакуума», подчиненного ранее Госстандарту СССР и занимающегося в настоящее время метрологическим обеспечением нанотехнологий — АО «НИЦПВ» (см. информацию о нем на сайте www.nicpv.ru), позволил сделать следующие выводы с целью выделения закономерностей креативной активности исследований его научного коллектива и их практической реализации:

а) зарождение и появление нового научного знания, а также период его апробации и коммерциализации является циклическим по своей сути и тесно связан с межличностной атмосферой в научном коллективе, тон которой в конкретный период задает ее формальный лидер — директор;

б) существует определенная последовательность такой межличностной атмосферы, которая проходит в основном три характерных этапа, а именно:

- формирование иерархической по своей сути научной общественности института, научных отдельных коллективов и частных межличностных отношений на этапе его создания при достаточно либеральном директоре-основателе;

- смена директора и реализация авторитарного руководства институтом и формирование корпоративной практики работы всех его подразделений с ликвидацией какой-либо иерархии, устранение всех потенциальных лидеров на любом уровне, кроме одного — директора, уравниловка в заработной плате, при этом практикуется круговая ответственность;

- смена лидера с директора-автократа на традиционного лидера-управленца, при котором реализуется уже индивидуальная ответственность, вводится материальное поощрение за конкретные работы, выдвигаются лидеры на любых уровнях, но теряется корпоративное мышление в коллективе, насаждается индивидуализм.

Цикл создания научно-технического знания на фоне изменения типа институциональной логики в творческом коллективе:

1 - **либеральный тип** — структуризация ранее накопленного знания на фоне формирования научно-административной иерархии;

2 - **авторитарный тип** — синтез нового знания на фоне устранения всех форм иерархии и введения коллективной ответственности (круговой поруки);

3 - **индивидуалистский тип** — выявление товарного облика нового знания и начало его коммерциализации на фоне формирования индивидуальной ответственности и иерархии бюрократического типа.

Три описанных периода межличностных отношений в коллективе формируют собственно научное знание в такой последовательности:

- обмен идеями и межличностная притирка ученых-исследователей и вспомогательного персонала;

- попытка реализации единственного большого конъюнктурного по своей сути научного проекта силами всего института, наработка научных заделов по его отдельным направлениям и впоследствии неудача такого проекта как заведомо конъюнктурного и бесперспективного, а заодно и отодвигание на задний план, а то и совсем игнорирование всех других проектов и идей;

- реализация мелких (по сравнению с ранее заявленным большим проектом) наработанных ранее научных заделов отдельными группами и отдельными исследователями, частичная их коммерциализация на фоне угасания собственно научной деятельности по формированию заделов на будущее, а также появление финансовых проблем у института в целом с перспективой его закрытия (ликвидации) как банкрота.

Приведенный выше пример истории воспроизводства научно-технического знания в АО «НИЦПВ» важен еще и с той точки зрения, что как раз в области нанотехнологий сегодня наблюдается наиболее острое влияние социальных факторов на научно-исследовательский, творческий по своей сути, процесс [40].

Литература

1. *Худокормов А.* Современная экономическая теория Запада // Вопросы экономики. 2008. № 6. С.20–43.
2. Доклады Института Европы // № 193. 2007. С. 88–89.
3. *Авдокушин Е.Ф., Иванова В.Н.* Инклюзивное развитие: основные направления, базовые предпосылки и возможные ограничения // Вопросы новой экономики. 2014. № 3. С. 4–13.
4. *Иванова В.Н.* Рента, валюты и платежные системы в контексте реформирования мировой финансовой архитектуры // Социальные и гуманитарные знания. 2015. Том 1, № 2. С. 114–122.
5. *Иванова В.Н.* Нулевой рост: фундаментальные предпосылки и возможные последствия // Материалы Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, сотрудников, докторантов и аспирантов вузов по итогам научно-исследовательской работы в 2015 г. Часть I. 2016 г. «Российский университет кооперации». С. 114–121.

6. *Миронов С.* Суть социальной политики России — преодоление глубочайшего имущественного расслоения // *Прямые инвестиции.* № 2 (94), 2010. С.4–5.
7. *Иванова В.Н.* Кадровая составляющая интеграционной евразийской стратегии / «Евразийская интеграция: геостратегический аспект» // М.: Ростов н/Д: Вузовская книга. 2014. С. 412–421.
8. *Иванова В.Н., Копельчук Я.С.* Этологические аспекты в проблеме формирования элит / *Национальная элита — судьба России* // М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство. 2009. С. 475–483.
9. *Арутюнов П.А.* О методологической роли «стрелы времени» в метрологической науке // *Законодательная и прикладная метрология.* 2001. № 6. С. 32–42.
10. *Козьмо Пауло.* Дьявол и сеньорита Прим // К.: «София». М.: ИД «София». 2003.
11. *Ницше Ф.* К генеалогии морали / *Сочинения.* В двух томах: Т. 2 // М.: «РИПОЛ КЛАССИК». 1998. С. 409–526.
12. *Кара-Мурза С.* Уроки приватизации // *Прямые инвестиции.* 2009. № 12 (92). С. 10–12.
13. *Руденко Б.* Убить дракона (Возможно ли победить коррупцию в России) // *Наука и жизнь.* 2009. № 10. С. 27–31.
14. *Миркин Я.* Российская модель // *Прямые инвестиции.* 2012. № 11 (127). С. 28–31.
15. *Аузан А.* Долгий взгляд на культуру // *Прямые инвестиции.* 2011. № 2(106). С. 12–13.
16. *Матвеева А.* Рыба растет с головы // *Эксперт.* 1999. № 8. С. 32–34.
17. *Олейник А.* Политэкономика власти: подходы к анализу отношений между государством и бизнесом в России // *Вопросы экономики.* 2011. № 5. С. 19–33.
18. *Вишневский В., Дементьев В.* Инновации, институты и эволюция // *Вопросы экономики.* 2010. № 9. С. 41–62.
19. *Иванова В.Н.* Человек и экономика: опыт динамической интеграции // *Вопросы новой экономики.* 2007. № 3. С. 70–77.
20. *Пирс Й.* Перст указующий // М., АСТ. 2003.
21. *Балацкий Е.* Экономическая наука: новые вызовы современности // *Мировая экономика и международные отношения.* 2006. № 1. С. 65.
22. *Кузьминов Я. и др.* Как наука о рынках становится наукой об обществе // *Вопросы экономики.* 2005. № 12. С. 63–81.
23. *Смирнов П.И.* Социология личности // СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского. 2001. С. 6–7.
24. *Глоzman Ж.М.* Общение и здоровье личности // М.: Академия. 2002. С. 176.
25. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы // М.: Прогресс. 1988. С. 9.
26. *Радыгин А., Энтов Р.* В поисках институциональных характеристик экономического роста // *Вопросы экономики.* 2008. № 8. С. 4–27.
27. *Павленко Ю.* Современное гражданское общество // *Вопросы экономики.* 2008. № 10. С. 96–106.
28. *Башмаков И.* Россия-2050 // *Вопросы экономики.* 2008. № 8. С. 140–144.
29. *Ключевский В.О.* Русская история // М.: Независимая газета. 1992. С. 119–125.
30. *Гонтмахер Е., Малева Т.* Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения // *Вопросы экономики.* 2008. № 2. С. 61–72.
31. *Капелюшников Р.* Собственность без легитимности? // *Вопросы экономики.* 2008. № 3. С. 85–105.
32. *Зими́на Т.* Во всем виновато избыточное неравенство // *Наука и жизнь.* 2008. № 1. С. 150–151.
33. *Александровский Ю.* Социальные катаклизмы и психическое здоровье // *Наука и жизнь.* 2008. № 1. С. 36–40.
34. *Демченко Т.А.* Тенденции смертности в России 90-х годов // *Социальные исследования.* 2002. № 10. С. 109–113.
35. *Ослунд А.* Миф о коллапсе производства после крушения коммунизма // *Вопросы экономики.* 2001. № 7. С. 115–138.

36. *Медведев Ж.* Холестерин: наш друг или враг? // Наука и жизнь. 2008. № 1. С. 60–64.
37. *Протопопов А.* Тракта́т о любви, как ее понимает жуткий зануда // Издательство «КСП+». 2002. http://www.koob.pro/protopopov/traktat_love.
38. *Салихов Б.В., Антипова Д.А.* Инновационное мышление и основы механизма управления творческим потенциалом современной корпорации // Транспортное дело России. 2014. № 1. С. 205–210.
39. *Шмерлина И.А.* «Институциональная логика»: критический анализ направления // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 4. С. 110–138. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4812.
40. *Фролов Д.П.* Институциональная логика технологического прогресса (случай нанотехнологий) // Журнал институциональных исследований. Том 4, № 1. 2012. С. 49–64.